

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09-1+929[Кованько+Державин+Ломоносов]

Оды И. А. Кованько: поэтика в литературном контексте

М. В. Синицына

Синицына Мария Валерьевна, аспирант кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, sinmasha0913@yandex.ru

В статье рассматривается индивидуальное своеобразие од И. А. Кованько, написанных в конце XVIII – начале XIX в. Выявлен круг реминисценций из произведений Г. Р. Державина и М. В. Ломоносова. В работе исследуется влияние классицизма и сентиментализма на творчество Кованько, а также синтез разнородных элементов, восходящих к поэтике одописцев XVIII в.

Ключевые слова: И. А. Кованько, Г. Р. Державин, М. В. Ломоносов, классицизм, сентиментализм, торжественная ода.

Поступила в редакцию: 08.04.2020 / Принята: 08.05.2020/ Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

I. A. Kovanko's Odes: Poetics in the Literary Context

M. V. Sinitsyna

Mariya V. Sinitsyna, <https://orcid.org/0000-0003-2274-9103>, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia, sinmasha0913@yandex.ru

The paper considers the peculiarities of I. A. Kovanko's odes written at the end of the 18th century and the beginning of the 19th century. The reminiscences from G. R. Derzhavin's and M. V. Lomonosov's poetry are revealed. The article focuses on the influence of classicism and sentimentalism on Kovanko's work and the synthesis of heterogeneous elements that trace back to the 18th century poets.

Keywords: I. A. Kovanko, G. R. Derzhavin, M. V. Lomonosov, classicism, sentimentalism, paegetic ode.

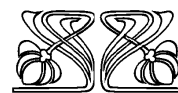
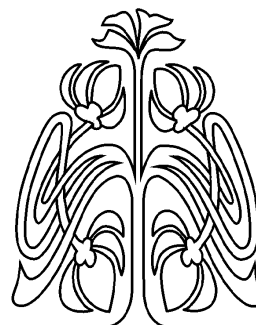
Received: 08.04.2020 / Accepted: 08.05.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

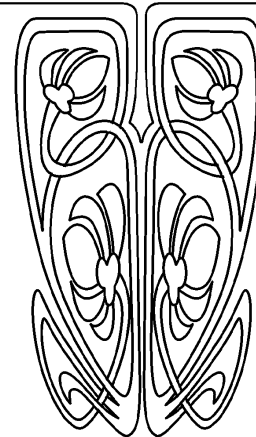
DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-429-433>

Иван Афанасьевич Кованько – поэт конца XVIII – начала XIX в. Он писал в разных жанрах (оды, анакреонтические стихотворения, послания, песни, мадригалы, басни и др.) и переводил западноевропейских авторов. Наиболее ярко его талант проявился в жанре оды. Стихи Кованько печатались в известных изданиях того времени: в журналах Московского университета («Приятное и полезное препровождение времени», «Иппокрена, или Утехи любословия», «Новости русской литературы»), в альманахе Вольного общества любителей словесности, наук и художеств «Свиток муз».

Впервые Кованько выступил в печати с философской одой «Тленность»: она была помещена в пятой части журнала «Приятное и полезное препровождение времени» (1795). Ода «Тленность» – сложное и «многослойное» произведение, содержащее отсылки к одам М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, а также к любовным идиллиям и сентиментальной поэзии. Торжественная по форме и горацианская по теме ода «Тленность» продолжает традиции смешанных од, характерных

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

для Державина, особенно в 1780-е гг. Тема жизни и смерти частного человека взята непосредственно из оды «На смерть князя Мещерского». Почти по-державински звучат слова о неизбежности смерти для всего сущего: «Ничто от роковых когтей, / Никая тварь не убегает <...> Глохнет царства алчна смерть. <...> / Без жалости все смерть разит»¹ (Державин) – «Ничто не избежит кончины: / Погаснет жизнь, уйдут пучины – / Все алчность времени пожрет <...> Смерть сожаленью не причастна»² (Кованько). Кроме державинских, можно заметить сумароковские мотивы смерти, которая настигает человека в любом состоянии и в любом месте: «Среди игры, среди забавы, / Среди благополучных дней, / Среди богатства, чести, славы <...> Природа к смерти нас приводит»³ («На суету мира» А. П. Сумарокова) – «Средь важных замыслов сражает [смерть], / Средь пиршеств, игр и шумных, прей»⁴ («Тленность» Кованько). Также в оде Кованько воспроизведена державинская антитеза о двойной природе человека: «Я царь – я раб, я червь – я бог!»⁵ («Бог» Державина); «Сегодня бог, а завтра прах»⁶ («На смерть князя Мещерского» Державина) – «Я царь – и должен век страдать? / Я царь – и мною червь презренный / Меня счастливее стократ»⁷ (Кованько). При этом в произведении Кованько подчеркивается не принципиальный для Державина контраст, а величие человека как духовного существа, вынужденного терпеть страдания. Максимальное эмоциональное напряжение возникает в тот момент, когда человек дерзнул роптать на Бога, что отсылает к ломоносовской традиции: «О ты, что в горести напрасно / На Бога ропщешь, человек»⁸ («Ода, выбранная из Иова» Ломоносова) – «Но, ах! предерзкое роптанье / Почто я в горести изрек?»⁹ (Кованько). Ода Кованько заканчивается, как и ода Державина «На смерть князя Мещерского», смягчением страшного образа смерти благодаря обретению покоя в душе.

Кроме одической традиции, в произведении Кованько «Тленность» реализуются эстетические принципы сентиментализма. В отличие от классической пиндарической оды, в оде Кованько появляется сюжет, сходный с сентиментальной прозой, а именно с повестью «Ростовское озеро» В. В. Измайлова, опубликованной чуть ранее на страницах того же журнала «Приятное и полезное препровождение времени». В обоих произведениях описываются страдания человека, вызванные внезапной смертью супруги: «Рвет волосы и рок кланет, / Рыдает, стонет, цепенеет»¹⁰ (Кованько) – «Я рвался над нею, проливал горячие слезы, целовал ее огненными устами»¹¹ (Измайлов). Благодаря сюжетным и смысловым переключкам произведения как бы вступают в диалог друг с другом внутри журнала. Один сюжет развивается в рамках классицистической оды и сентиментальной повести. В произведении Кованько делается акцент на фи-

лософской составляющей: задается вечный вопрос о мучениях человека, в кульминационный момент герой обращается к Творцу с упреками, мольбами и дерзостной просьбой взять его жизнь в обмен на жизнь супруги. Таким образом, сентиментальная история обрамляется нравственно-философскими размышлениями. В повести Измайлова, как и в любом сентиментальном произведении, ставится первостепенная задача научить читателя чувствовать, поэтому важнее показать богатый эмоциональный мир чувствительного героя. Имя героини также связывает оду Кованько с сентиментальным контекстом. Она названа Темирой, условным поэтическим именем, известным по идиллиям и любовной лирике 1790-х гг. В частности, сентиментальный образ Темиры создает Ю. А. Нелединский-Мелецкий¹². Окончательно сентиментальный тон оды оформляет В. С. Подшивалов, редактор журнала, который пишет примечание: «Писана, как нам сказано, молодым и чувствительным, но несчастным человеком. Сие одно, сверх многих особенных красот, дает уже его сочинению право быть в наших листочках»¹³. По мнению Подшивалова, читатель должен, в первую очередь, увидеть страдания чувствительного человека, несмотря на то, что первая часть оды выдержана в духе классицизма.

Снова к сентиментализму Кованько обращается в анакреонтической оде «Перестроенная лира», где присутствуют тема «золотого века» в интерпретации сентименталистов (обретение счастья в любви)¹⁴ и портрет героя, чертами напоминающий чувствительного человека (герой обладает добрым чувствительным сердцем, но он небогат). В целом же влияние сентиментализма в творчестве поэта постепенно ослабевает к началу XIX в.

Кованько разрабатывает основные темы и идеи творчества Державина. Он проходит путь, свойственный начинающим поэтам: заявление о себе в литературе через узнаваемые образцы. Наиболее показательны в этом отношении оды Кованько «Стихи великому певцу великих» и «Бог». Они являются парафразами «Памятника» и одноименной оды Державина. Текст «Памятника» Кованько, вероятно, читал в «Приятном и полезном препровождении времени» (однако он мог познакомиться с державинским произведением уже в первом прижизненном собрании сочинений Державина 1798 г.). Ода «Бог» Державина имела исключительный читательский успех, много раз перепечатывалась в России и переводилась на иностранные языки. В других одах также ощущается влияние державинской поэтики: идея анакреонтической оды «Перестроенная лира» подсказана стихотворением Державина «К лире» («Петь Румянцова сбирался...», 1797), ода «К бардам потомства» строится на мотивах военно-патриотических од Державина («На взятие Измаила» (1790), «На победы в

Италии» (1799), ода на смерть И. И. Шувалова «Урна» (1797) и др.).

«Стихи великому певцу великих» и ода «Бог» были напечатаны в 1802 г. в журнале «Новости русской литературы» П. А. Сохацкого. Оба произведения стилистически близкие «Памятнику» и одноименной оде Державина. Кованько намеренно воспроизводит державинские конструкции: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный»¹⁵ (Державин) – «Чрез вечность могут продолжить / Всецелость памятника чести»¹⁶ (Кованько); «Так! – весь я не умру; но часть меня большая, / От тлена убежав, по смерти станет жить»¹⁷ (Державин) – «...и ты равно / Жить будешь в блесках и по смерти»¹⁸ (Кованько); «Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных»¹⁹ (Державин) – «...звук [од] к ним [к последующим поколениям] в слух дойдет»²⁰ (Кованько); «В сердечной простоте беседовать о Боге»²¹ (Державин) – «В них [в одах] слиты с милой простотою»²² (Кованько). Кроме «Памятника», в «Стихах великому певцу великих» есть отзвуки «Моего истукана» Державина (1794): в последней строфе («Твой хладный истукан, безгласный»²³) памятник назван истуканом, причем это образ монумента, на который можно смотреть, что тоже отсылает к оде «Мой истукан», где памятник представлен в образе бюста. Композиционно ода Кованько построена, как ода Державина: Кованько развивает державинское противопоставление славы и бесчестия в антитезе «памятников чести» и «памятников лести и тщеславия». Также Кованько использует державинские фразы в оде «Бог», размышляя о том, что есть человек перед Богом: «Когда дерзну сравнить с Тобою... <...> А я перед Тобой – ничто»²⁴ (Державин) – «...я исчезаю, / Когда сравнить себя дерзаю, / Трикратна бездна бездн, с Тобой»²⁵ (Кованько); «Я царь – я раб, я червь – я бог!»²⁶ (Державин) – «Я вихрь, смесь праха, червь, ничто. / Ничто – и купно бог могучий!»²⁷ (Кованько). Из державинского текста взята и образ капли для описания величия Бога: у Державина в капле отражается солнце, у Кованько Бог порождает в капле «тварей мириады»²⁸. Установка на узнавание оригинала, по-видимому, была изначальна, и предполагалось, что читатель должен соотнести между собой произведения.

При очевидной близости произведений Кованько с одами Державина полного смыслового тождества между ними нет. В «Стихах великому певцу великих» Кованько, говоря о заслугах другого человека, использует форму торжественной оды с 12-стишной строфой из поэзии Ронсара²⁹, чтобы обозначить панегирический характер текста. Кованько хвалит Державина за «величественные оды»³⁰, которые «возвышают дух»³¹ человека. При этом если Державин в «Памятнике» не отделяет свою поэтическую миссию от прославления императрицы³², то Кованько, напротив, подчеркивает «всенародную поль-

зу»³³ его творений вне придворного контекста. Кованько усиливает значение Державина для России и мира в целом, ставя его в один ряд с Гомером, Горацием и Вергилием (вводится множественное число для обозначения всех гениев, равных древним поэтам, каким Державин тоже является): «Омиры, Флакки и Мароны <...> В венцах сияния небесна / Живут дондесь – и ты равно / Жить будешь в блесках и по смерти»³⁴. Также Кованько преобразует традиционную одическую формулу «от... до...». Если у Державина географические просторы совпадают с имперским пространством, то у Кованько размах поэтической славы не имеет пределов: «отзывы» лиры Державина будут «греть» «...Средь всех четырех стран вселенной / В чертогах, в хижине смиренной, / По холмам, рощам и лугам»³⁵. В другой оде «К бардам потомства», прочитанной на собрании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, членом которого Кованько был со дня основания в 1802 г., он излагает свою поэтическую программу в развернутом виде, завещая будущим поэтам избирать предметом своих од «великость дел, заслуг прямых»³⁶, т. е. идти путем Державина.

Ода Кованько «Бог» также отличается оттенками смыслов от державинского произведения. Она имеет кольцевую композицию, как в пиндарической оде, без сюжета и последовательного разворачивания темы в противоположность оде Державина, где строфы о Боге и человеке следуют в линейном порядке и равны по значимости. Произведению предпослан эпиграф: «О Боге размышленья / Смирят бунт страстей, / И нектар утешенья / Льют в полну грудь скорбей»³⁷. В нем в свернутом виде высказана основная мысль о необходимости смирения перед Богом, мысль, которая прослеживалась еще в более ранней оде «Тленность»: «Нелицемерное смиренье – / Вот фимиама воскуренья, / Вот жертва сладостна Ему»³⁸. Можно сказать, что произведения Кованько ведут диалог между собой. В оде «Тленность» герой задается вопросом: «Прилично ль Существо благому <...> Разить своих созданье рук?»³⁹. А ода «Бог» становится развернутым ответом.

Несмотря на зависимость от поэтики Державина, Кованько не стремился во всем подражать ему. Это касается, прежде всего, внутреннего пространства его од. Поэтический мир од Кованько един: он наполнен громами и ветрами, в нем обязательно присутствуют горы, бездна и огонь. Не случайно Державин в своем комплиментарном четверостишии к Кованько пишет о его громогласности: «Кованька! Ты рожден Поэт: / Пиши, заслуживай хвалы. – / Внушит тебя так поздний свет, / Как громы, ветры и валы»⁴⁰. Разумеется, образ «громкого» поэта не мог не ассоциироваться в сознании читателей того времени с Ломоносовым. Возможно, Державин также связывает поэтические миры Кованько и Ломоносова по внешним признакам, при этом

читатели могли помнить последние строки из «Оды, в которой Ея Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском Селе Августа 27 дня 1750 года» Ломоносова: «Но что за громы ударяют? / Се глас мой звучно повторяют / Земля, и ветры, и валы!»⁴¹. Для создания своего художественного мира Кованько использует эффектные картины разрушений из од Ломоносова: «Что множество веков стояли [дерева] / И бурей ярость презирали»⁴² (Ломоносов) – «В подошве бурно опенялась [скала] / Ревущей яростно волной. <...> Она недвижимо стояла, / Труд напряженный укоряла»⁴³ (Кованько); «Там буря искры завивает, / И алчный пламень пожирает / Минервин с громким треском храм!»⁴⁴ (Ломоносов) – «Исчез храм пышный Артемиды <...> Все алчность времени пожрет»⁴⁵ (Кованько); «Песок валит со дна с китами»⁴⁶ (Ломоносов) – «...поднимался / Тем треском пробужденный кит»⁴⁷ (Кованько). Кованько ориентировался на Ломоносова, когда обращался к образу «парящего» одописца. Как известно, Державин отказался «парить» в своих одах и избрал свой путь⁴⁸. Кованько же намеренно возвращается к ломоносовской поэтике: без восторга и исступления его оды существовать не могут. Во второй строфе оды «Бог» Кованько поэту для «возвышенного пенья»⁴⁹ необходим жар вулканов: «Пролейте в дух мой распаленный / Весь огонь, внутри вас заключенный / И атмосфера! мне внемли!»⁵⁰. Возможно, здесь можно увидеть параллель с «Утренним размышлением о Божием величестве» Ломоносова: «Мой дух, с веселием внемли, / Чудяся ясным толь лучам, / Представь, каков Зиждитель сам!»⁵¹. Не раз в одах Ломоносова поэт желает быть услышанным во всей вселенной: «И, чтоб услышала вселенна, <...> Возникни, вознесись, греми»⁵²; или: «В безмолвии внимай, вселенна: / Се хочет Лиры восхищена / Гласить велики имена»⁵³. У Кованько также третья строфа посвящена описанию гимна поэта, находящегося в состоянии восторга и желающего, чтобы его песнь была слышна во всех краях вселенной. В десятой строфе парение поэта достигает кульминации: «Ах! где я? где?.. В себе теряюсь... / Парю... блуждаю... низвергаюсь... / И сам я бездной стал чудес!»⁵⁴. Подобные чувства поэта, вероятно, были подсказаны строками из «Вечернего размышления о Божием величестве при случае великого северного сияния» Ломоносова: «Так я, в сей бездне углублен, / Теряюсь, мыслимы утомлен!»⁵⁵. В последней строфе поэт признается, что его дух «утомлен полетом»⁵⁶, он надеется, что его усилия будут не напрасными, если Бог воссияет в его сердце.

Оды Кованько создавались в конце XVIII – начале XIX в., когда классицистическая ода потеряла свои прежние высокие позиции и происходило обновление форм лирики в разных жанрах⁵⁷. Кованько в начале своего творческого пути синтезировал классицистическую и сенти-

ментальную системы, добавляя в оды сюжетное начало. В дальнейшем он, продолжая писать в рамках классической торжественной оды, обновлял ее благодаря соединению разнородных элементов, восходящих к поэтике одописцев XVIII в. Эстетический эффект его од достигался узнаванием сентиментальной истории в несвойственной ей форме оды или обнаружением державинских цитат в художественном мире од, имеющем ярко выраженные черты ломоносовской поэтики.

Примечания

- ¹ Державин Г. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота : в 9 т. Т. 1. СПб. : Тип. Импер. Акад. Наук, 1864. С. 90–91.
- ² Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. С. 205, 210.
- ³ Сумароков А. Полное собрание всех сочинений : В стихах и прозе : в 10 ч. Ч. 2. Оды торжественныя; Оды разныя; Оды вздорныя; Слово I–VIII. М. : Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. С. 217.
- ⁴ Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. С. 210.
- ⁵ Державин Г. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1. С. 201.
- ⁶ Там же. С. 93.
- ⁷ Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. С. 207–208.
- ⁸ Ломоносов М. Полн. собр. соч. : в 11 т. Т. 8. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 387.
- ⁹ Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. С. 208.
- ¹⁰ Там же. С. 206.
- ¹¹ Там же. С. 23.
- ¹² См.: Довгий О. Темира // Русская речь. 2015. № 1. С. 103–104.
- ¹³ Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. С. 203.
- ¹⁴ См.: Кочеткова Н. Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Сб. 18. СПб. : Наука, 1993. С. 178.
- ¹⁵ Державин Г. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1. С. 785.
- ¹⁶ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 92.
- ¹⁷ Державин Г. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1. С. 787.
- ¹⁸ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 93.
- ¹⁹ Державин Г. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1. С. 787.
- ²⁰ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 93.
- ²¹ Державин Г. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1. С. 788.
- ²² Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 94.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Державин Г. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1. С. 199.

- ²⁵ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 12.
- ²⁶ *Державин Г.* Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1. С. 201.
- ²⁷ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 13.
- ²⁸ Там же. С. 12.
- ²⁹ См.: *Виницкий И.* Граф Сардинский : Дмитрий Хвостов и русская культура. М. : Нов. лит. обозрение, 2017. С. 95.
- ³⁰ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 93.
- ³¹ Там же.
- ³² См.: *Клейн И.* Пути культурного импорта : Труды по русской литературе XVIII века. М. : Яз. слав. культуры, 2005. С. 519. (Studia philologica).
- ³³ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 94.
- ³⁴ Там же. С. 93.
- ³⁵ Там же. С. 93–94.
- ³⁶ Поэты-радищевцы : сб. Л. : Сов. писатель, 1979. С. 365. (Библиотека поэта. Большая серия).
- ³⁷ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 9.
- ³⁸ Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. С. 209.
- ³⁹ Там же. С. 208.
- ⁴⁰ *Державин Г.* Стихотворения. Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 370.
- ⁴¹ *Ломоносов М.* Указ. соч. С. 403.
- ⁴² Там же. С. 92.
- ⁴³ Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. С. 204.
- ⁴⁴ *Ломоносов М.* Указ. соч. С. 217.
- ⁴⁵ Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. С. 205.
- ⁴⁶ *Ломоносов М.* Указ. соч. С. 651.
- ⁴⁷ Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 5. С. 205.
- ⁴⁸ См.: *Державин Г.* Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 6. СПб. : Тип. Импер. Акад. Наук, 1871. С. 443.
- ⁴⁹ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 9.
- ⁵⁰ Там же. С. 10.
- ⁵¹ *Ломоносов М.* Указ. соч. С. 117.
- ⁵² Там же. С. 395.
- ⁵³ Там же. С. 199.
- ⁵⁴ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 14.
- ⁵⁵ *Ломоносов М.* Указ. соч. С. 121.
- ⁵⁶ Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 16.
- ⁵⁷ См.: *Алексеева Н.* Русская ода : Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб. : Наука, 2005. С. 358.

Образец для цитирования:

Синицына М. В. Оды И. А. Кованько: поэтика в литературном контексте // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 429–433. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-429-433>

Cite this article as:

Sinitsyna M. V. I. A. Kovanko's Odes: Poetics in the Literary Context. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 429–433 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-429-433>